

Цена 5 коп.

Прочти,
товарищ!

А. СЕРДЮК

В ловушке

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЗНАНИЕ

А. СЕРДЮК

В ЛОВУШКЕ

Из записок пограничника

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗНАНИЕ“

Москва

1961

Автор книжки «В ловушке» Александр Севастьянович Сердюк — подполковник пограничных войск, журналист. Он часто бывает на заставах, хорошо знает жизнь границы, ее часовых. Все, о чем говорится в книжке, не вымысел. Это рассказы о событиях, действительно имевших место на границе, о бдительности и мужестве советских пограничников — зорких часовых границ нашей Родины.

В ОСЕНнюю НОЧЬ

Остапчук нервничал: он опаздывал на заставу. Машина буксовала в гря-

зи, натужно ползла по разбитому проселку. Часто она увязала, и тогда капитан выскакивал на дорогу, толкал ее.

Он, конечно, не спешил бы так, будь его заместителем опытный офицер. Но лейтенант Корольков прибыл совсем недавно, и застава сегодня впервые под его командованием. Все ли там благополучно?

Приехал капитан только поздно вечером. Боевой расчет уже провели, и наряды ушли на границу. Королькова начальник заставы застал в канцелярии. Остапчук прищурился, ослеплен-

ный после вечерней тьмы ярким светом лампочки.

— Ну, как тут у нас, лейтенант? — спросил он, едва переступив порог. — Что нового?

Пока начальник заставы стаскивал мокрую задубевшую плащ-накидку, Корольков доложил, что день прошел благополучно и что перед вечером он сам был на пранице. Служебная полоса в полном порядке. Вот только погода...

— Да, погодка мерзкая, — повел озябшими плечами Остапчук. — Льет и льет... И море разыгралось.

Он покосился на окно, в которое словно темные стекла вставили. Порывы ветра рассыпали по ним мелкие капли осеннего дождя. Под окном скрипела береза. На морском берегу рос гул прибоя.

— Сегодня, товарищ капитан, штормит особенно... Аж берег гудит...

Корольков раньше служил на сухопутном участке. Здесь же, у Остапчука, линия границы тянется берегом моря.

— Новость для вас приятная есть, — меняя тон, проговорил Остапчук. — В штабе видел капитана Сизина. Его переводят. Кажется, с повышением.

Карие глаза лейтенанта радостно сверкнули. Остапчук заметил это и снова уставился в окно.

Сизин командовал заставой, на которую Корольков прибыл из училища. Отношение Остапчука к Сизину было несколько странным. Хотя о Сизине на границе отзывались хорошо, что-то в нем капитану не нравилось. Но Корольков не совсем понимал, в чем тут, собственно, дело, и в конце концов стал избегать разговоров о своем бывшем начальнике. Сегодня же он откровенно обрадовался его успеху.

— Что ж, он этого заслуживает...

— Может быть, — коротко и равнодушно ответил Остапчук. И потер руки, словно они у него сильно озябли. — Ну, ладно, поговорим о главном. Доложите, где у нас наряды?

Этого вопроса Корольков ждал. Дело в том, что он сегодня расставил людей не так, как обычно делал Остапчук. Когда перед вечером лейтенант обходил участок, его особенно беспокоил левый фланг. Там в море впадала река, глубокая, с крутыми берегами. Лейтенант долго стоял у самого устья. Высокие штормовые волны с грохотом разбивались по всему побережью, а здесь они бесшумно вкатывались в реку, постепенно теряя силу. Корольков думал: в такой шторм нарушитель вряд ли рискнет пристать к скалистому берегу, там его наверняка разобьет. Но здесь он сможет проскользнуть, скрываясь за гребнями волн. Река идет из тыла, с участка соседней заставы. Берега ее

всюду заросли кустарником, всюду нетрудно выбраться, чтобы потом незаметно скрыться.

Корольков решил: надо усилить охрану реки.

— Основные силы у нас здесь, — сказал он начальнику заставы, показывая на схеме берег реки. — Один наряд у самого устья, остальные по берегу, в тылу участка: вот в этом кустарнике, далее в оврате, у старой сосны...

— И даже у сосны? — нетерпеливо спросил капитан. — Мы же никогда не посылали туда солдат. Густовато получилось, густовато, — он покачал головой и зашагал по комнате. — Что же оставили вы для побережья? Или в одном месте густо, в другом — пусто?

— К морю я действительно послал меньше нарядов, — стараясь внешне оставаться спокойным, сказал Корольков.

— То есть как меньше? — серые глаза Остапчука расширились. — Вы по существу оголили берег.

— Но ведь на море шторм.

Упоминание о шторме ничуть не успокоило капитана. Лицо его все более мрачнело.

Корольков задумался. Надо бы сказать, почему он поступил так, а не иначе, объяснить, насколько опасна сейчас река, но лейтенант почувствовал, что разубедить начальника ему

вряд ли удастся. Капитан явно не одобрял действий своего заместителя.

— Я знал, что здесь что-нибудь да не так, — сказал Остапчук. — Нутром чувствовал. Еще эта слякоть, черт бы ее побрал! — Он устало потер ладонью широкий лоб и вздохнул. — Наряды уже высланы?

— Так точно, высланы.

— Все?

— Да.

Остапчук замолчал. Как быть? Отменить решение заместителя? Конечно, подправить еще не поздно. Стоит только скомандовать, и наряды пойдут на новые места, к морю. И те, кто сейчас в нескольких километрах от заставы, на берегу реки, тоже переместятся на другой фланг. Стоит только скомандовать...

Остапчук медленно прошел к письменному столу, грузно опустился на скрипнувший под ним стул. Корольков продолжал стоять у стены, следя за капитаном. Юное, румяное, слегка опаленное северными ветрами лицо его внешне оставалось спокойным. Может быть, только чуть-чуть плотнее сжались губы.

Оба молчали. Остапчук не поднимал глаз, уставясь на какие-то исписанные листки, лежавшие перед ним. Он, конечно, их не читал, а возможно, даже и не видел. Опять сухо заскри-

пел стул, плечи капитана вздрогнули. Недовольно крикнув, он сжал хрустнувшие пальцы.

Корольков выпрямился, мягко спросил:

— Ну, что вы так расстроились, товарищ капитан? Ведь море сегодня очень штормит. Разве в такую волну к берегу подплывешь?

— Нельзя игнорировать опыт, товарищ Корольков, — наставительно сказал капитан. — Или вам не известно, что мы здесь и в шторм захватывали?

Остапчук вспомнил весну, туманный рассвет, разбитую лодку на скалистом берегу. Нарушителя выбросило штормовой волной и ударило о камни. Пограничники подобрали его полуживым. Когда задержанный пришел в себя, первым его словом было крепкое ругательство. Оказалось, он еще с борта корабля, на котором его вместе с лодкой доставили поближе к нашему берегу, предупредил свой штаб, что высадка невозможна. Но шеф не согласился ни отложить операцию, ни изменить маршрут. Об этом случае капитан рассказывал Королькову в первые дни его службы на заставе.

— Знаю, возразите мне, — сказал Остапчук. — Ведь нарушитель-то разбился! Но не все так глупы, как он. Деревянную лодку можно заменить резиновой, и тогда удар будет смягчен...

Капитан видел, что это произвело на лейтенанта впечатление. Молодой офицер задумался.

— Сколько же у нас на побережье людей? — после небольшой паузы, уже примирительно, спросил Остапчук.

— Да немного... Только дозоры... — Корольков выжидающе посмотрел на капитана. — Как же еще надо было поступить? Ведь нарушение границы на побережье менее вероятно. Неужели с этим не следует считаться?

— В нашей службе легко и просчитаться, — сурово взглянул на лейтенанта Остапчук. — Граница — дело точное. Так-то,

Оба помолчали.

— Вы бы, товарищ капитан, отдохнули с дороги, — сказал Корольков. — Наверно, здорово намаялись.

— Не до отдыха теперь... Веселую ты мне ночку приготовил, товарищ Корольков, веселую! В порядке эксперимента, что ли? — Остапчук сдержанно улыбнулся.

— Я вас не понимаю... Какой эксперимент? — пожал плечами Корольков.

— Что же тут непонятного? Думаешь, не догадываюсь, откуда у тебя эта любовь к новшествам? Я прекрасно знаю Сизина. Это его школа. Экспериментатор!

— Да, капитан любил новое.

— Рискует он много, — неодобрительно сказал Остапчук. — Слишком много. Что ж, ему, покамест везет... А риск, товарищ лейтенант, — палка о двух концах. На границе особенно...

Капитан что-то разыскивал в столе, выдвигая ящик за ящиком. Корольков молча наблюдал за ним, расстроенный разговором о Сизине. Разве не учат нас, думал лейтенант, работать творчески? Разве то, что хорошо было вчера, устроит нас сегодня? Королькову вспомнился случай, происшедший с ним в пограничном училище. Дело было на тактическом занятии. Старший курс отрабатывал тему «Стрелковая рота в обороне». Руководитель занятия назначил Королькова командиром роты. Выслушав приказ, Корольков задумался: как построить боевой порядок своего подразделения, и он решил — отвести взводам одинаковые по ширине позиции, хотя на одном из флангов участка было болото. Преподаватель, выслушав Королькова, спросил: «А зачем вам столько людей держать перед болотом? Ведь по нему вражеские танки не пройдут да и артиллерию не потащишь. Вы задачу решили так, как предыдущий товарищ, и не учли, что он оборонял этот район зимой, когда болото было проходимым».

Рассказав сейчас об этом капитану, Корольков чистосердечно признался:

— И, знаете, преподаватель мне тогда двойку вкатил. По шаблону, говорит, действуешь...

— Он был прав, — сказал Остапчук. — Кто же так воюет!

Капитан повеселел, словно забыл обо всем предыдущем, опять вышел из-за стола и, потирая руки, зашагал по комнате.

— Значит, двойку говорите? Это он вам для памяти... Чтоб не скоро ошибку свою забыли.

Остапчук остановился, поднял глаза. Только сейчас он понял, почему так разоткровенничался заместитель.

— Ну, ну, учи своего начальника, — со сдержанным укором сказал Остапчук. — Мало того, что на практике уже поучил, так еще в теорию полез... Жаль, времени у нас с тобой нет, — он кивнул на ходики. — Нужно отдохнуть. Ты иди, а я все равно не усну.

Корольков хотел было сказать, что и ему сейчас тоже не до сна, однако раздумал.

Оставшись в канцелярии, Остапчук уточнил, кто и где несет службу, вызвал дежурного и приказал ему следить за сигналами с границы. Но спокойнее на душе не стало.

Не было обычной уверенности, словно на участке непременно что-то должно случиться. Особенно беспокоил его правый фланг, где вдоль границы на несколько километров тянул-

ся обрывистый, поросший леском берег и где только в нынешнем году застава задержала трех лазутчиков. Как там всегда было надежно и как опасно сейчас! Виноват во всем Корольков. На шторм понадеялся! Эх, лейтенант, лейтенант! Взять бы да и отменить твое решение. В другой раз продумывал бы лучше.

Зазвонил телефон. Капитан не спеша подошел к столу, снял трубку. Он сразу же узнал голос оперативного дежурного из штаба отряда. Останчук доложил ему о благополучном возвращении на заставу.

— Как заместитель? — спросил майор. — Без тебя не растерялся?

— Работает. Энергичный, — Останчук сказал о Королькове то, что он более охотно сказал бы о нем вчера.

— Почаще наряды проверяйте, — посоветовал майор. — Погода такая, что далеко не увидишь и рано не услышишь... Кустарники и овраги у реки надежно прикройте...

«Ни слова о море, — подумал капитан. — А раньше всегда предупреждал».

Останчук осторожно положил на аппарат трубку, достал из кармана пачку «Беломора», закурил. Подошел к окну, прислушался. И хотя до моря было далеко, весь воздух был наполнен шумом прибоя. Через равные промежутки времени волны гулко били о скалы по всему побе-

режью... И Остапчуку тоже вдруг показалось маловероятным, чтобы в такую ночь нарушители попытались высадиться на побережье. Эта мысль раздражала капитана. Но все упорнее он к ней возвращался.

Набросив на плечи шинель, Остапчук вышел во двор. Дождь как будто утихал, но порывы ветра стали сильнее, временами в тучах появлялись разрывы, обнажая куски неба. Земля под ногами расползалась, в лужах чернела вода, с оголенных берез ветер непрерывно ссыпал тяжелые капли. Постояв немного, Остапчук зашел в казарму. Людей почти не осталось, лишь кое-где на койках спали те, кому на границу идти за полночь. У простенка разбирал свою постель сержант Овечкин. Заметив начальника, он встал у тумбочки, поддерживая рукой край простыни. Сержант был в нательной рубашке, под которой угадывались широкая сильная грудь, мускулистые плечи.

— Пора и вам, товарищ Овечкин, отдыхать, — сказал капитан. — В полночь подниму.

— Успею, выплуюсь! — бодро ответил сержант.

— Э, нет, надо поспать.

— У меня, товарищ капитан, насчет сна давняя закалка. Еще до службы... Сутками, случалось, глаз не смыкал. Днем и ночью в море. И ничего!

— Знаю, знаю, что рыбаком был, — кивнул Остапчук, взглянув на спящих. — А волна, как считаете, сегодня крепко бьет? Вышли бы в такое море?

— Куда там! Расшибет.

— Ну, отдыхайте, сержант, — сказал Остапчук.

Он тихо прикрыл дверь, прошел между койками к выходу. Раз-а два скрипнули половицы, он оглянулся: не разбудил ли кого; все спали крепко.

Капитан вернулся к себе в кабинет, но его не оставляла мысль о границе. Он представил себе все побережье до соседних застав и своих немногих пограничников. Вспомнились все те случаи, когда лазутчики высаживались в шторм. «Не зря ли я согласился с лейтенантом? Ведь если я не отменил — значит одобрил его решение. Большая часть нарядов на одном фланге да вдоль реки! Этого еще никогда не было».

Да, сегодня сделано не так, как обычно. Сделано совсем по-другому, и от этого очень беспокойно на душе...

Дождавшись полуночи, Остапчук оставил на заставе заместителя, а сам с сержантом Овечкиным вышел к морю. За воротами, обходя лужи, выбрался на тропу, ведущую к границе.

Начальник заставы решил прежде всего пройти по кромке берега. Он шагал впереди сержан-

та с не свойственной ему торопливостью, скользая по грязи, расплескивая лужи, будто не прочто шел проверять наряды, а спешил по тревоге.

С моря надвигался сплошной грохот разгулявшихся волн. Грохот все нарастал, становился мощнее, неистовее. Расстояние в темноте обманчиво: казалось, еще несколько десятков шагов и окажешься у воды. Но тропа то спускалась в вымоины, то поднималась на голые, скользкие камни. Наконец, начальник заставы и сержант очутились у крутого черного обрыва. В берег ударила волна, высоко взлетели холодные брызги. Остапчук остановился. Ощувив на губах соленую горечь, сержант сплюнул и вытер ладонью мокрое лицо.

— Ну и штормяга... — пробурчал он за спиною офицера.

Новая волна ударила в скалу.

Отскочив от обрыва, Остапчук направился вдоль берега. Как ни странно, но именно сейчас на самом рубеже, в темноте этой непогожей ночи к нему постепенно возвращалось чувство уверенности. Возможно, его успокаивал этот оглушающий шум прибоя. Овечкин уже успел заметить, что Остапчук больше не торопится, шаг его стал короче. Именно таким он видел его всякий раз, когда вместе ходили проверять службу.

Через четверть часа их встретил пограничный дозор. Старший наряда доложил, что на участке спокойно.

— Зорко следите за берегом, — сказал начальник заставы.

Капитана тянуло на левый фланг. Только сейчас он беспокойно подумал, что охранять границу вдоль реки, по кустарникам и оврагам, очень трудно.

Вдруг где-то далеко впереди взмыл к небу ярко-красный огненный шар. Остапчук резко остановился, всматриваясь в темноту. Снова взлетела ракета.

— Где это, товарищ капитан? — с тревогой спросил сержант. — Не у нас ли?

Красный шар мгновение висел в воздухе, потом, рассыпая искры, начал таять, проваливаясь в темноту. Внизу под ним выступила приметная крона старой сосны. Ракета, казалось, падала прямо на эту сосну, росшую на берегу реки, близ участка соседней заставы.

— У нас, товарищ капитан, — убежденно сказал сержант. — На фланге!

— Сам вижу, что у нас, — наконец недовольно и, как показалось Овечкину, зло ответил Остапчук. — Не ослеп... Трубку!

Сержант быстро протянул ему телефонную трубку с длинным шнуром. Капитан схватил ее

и побежал вдоль берега. Волны обдавали его каскадом брызг, он скользил и спотыкался на камнях.

Никогда еще ни один сигнал о прорыве через границу не вызывал в нем такого сложного чувства. Все смешалось в его душе: и вспыхнувшая, подобно красной ракете, тревога, совершенно реальная, теперь уже ставшая фактом, и стремление сделать все возможное для поимки врага, и вместе с этим что-то похожее на зависть к Королькову. Их спор с заместителем решен самой жизнью и не в его пользу.

Сейчас он вызовет Королькова... Как заговорить с ним, чтобы скрыть свое состояние? Но капитан сразу забыл об этом, соединившись с заставой. В трубке послышался озабоченный голос Королькова.

— Доложите, что там на левом фланге? — требовательно спросил Остапчук. — В каком месте ракеты?

Затаив дыхание, с силой прижав холодную трубку, Остапчук слушал ответ.

— У сосны... По реке прошел... Преследуют.

— Где именно? — спросил Остапчук. — Это точно? Людей «в ружье» подняли? Группу ведите сами, пусть старшина остается. Я иду туда же...

Сделав несколько широких, размашистых шагов, Остапчук побежал. Плотный, корена-

стый, он бежал легко и быстро. Пожалуй, так он пробежал бы все расстояние до той увиденной в неярком свете сосны, если бы вдруг не взлетела еще одна ракета, на этот раз зеленая. Она таяла и рассыпала искры, но уже не над сосной, а левее и далеко от границы.

— Задержали! — выкрикнул запыхавшийся сержант.

— Вижу! — ответил ему Остапчук, переходя на обычный шаг. — Сами справились... Молодцы!..

А рядом по-прежнему ревело, бросаясь на скалы, море...

В ЛОВУШКЕ

Он собирался долго, неторопливо. В полутемной комнате с завешанными окнами

на земляном полу лежал вещевой мешок, а рядом с ним — все приготовленное в дорогу. С большим трудом, с риском доставал он каждую вещь. Малейшая оплошность, какой-либо пустяк, и полная катастрофа.

Байтам отправлялся в опасный путь. Он понимал это и потому сначала несколько раз проехал вдоль границы. Из окна вагона ему были видны домики застав, наблюдательные вышки, а в одном месте даже пограничная контрольная полоса. Байтам знает, что это за коварная штука! Он долго ломал голову, прежде чем решил,

как преодолеть ее. Пока пограничники встанут на его след, Байтам будет у самой черты. А там — поминай, как звали!

Эти поездки придали ему уверенность. И теперь, закрыв глаза, он представлял, как пойдет по ровному, поросшему колючкой полю, пересечет контрольную полосу, а дойдя до подножья гор, юркнет в ущелье.

...Байтам присел на корточки, взял в левую руку магазин автомата, а правой стал быстро всовывать в него патроны. Так он снарядил два магазина. Набирая полную пригоршню, он пересчитывал их и бережно клал в специально сшитый мешочек. 120 штук!

Надо было пересчитать и деньги. Он зажал в руке толстую пачку сторублевок и, смачивая слюной пальцы, долго и сосредоточенно листал их.

Деньги он завязал в платок. Тугой узелок положил рядом с патронами, а затем стал бросать в вещевой мешок все остальное: две пачки зеленого чая, молитвенник, книжку «Лирика», серые чуть поношенные брюки, нижнюю рубашку. Туда же поставил кувшин, в котором обычно кипятил чай, и банку с приготовленной для дороги бараниной...

В комнате стемнело. Он зажег спичку, чтобы посмотреть, не забыл ли чего.

Байтам тихо приблизился к окну и, приподняв угол шторы, посмотрел на ярко освещенную улицу. Там, ситная, проносились машины, по тротуарам шли люди.

Улица мало интересовала Байтама. Ничего ему здесь не нужно. Он хочет жить там, по ту сторону Копет-Дага, где у него есть старые друзья, где его ждут хозяева и хорошо встретят.

Когда прохожих на улице стало меньше, Байтам повесил на грудь автомат, надел сверху плащ, застегнул его на все пуговицы... Маузер он сунул в карман. Пусть будет поближе... Потом он приладил за спиной вещмешок, натянул до самых бровей папаху и вышел на улицу, бесшумно ступая в своих легких чарыках.

Шел он всю ночь. Когда забрезжил рассвет, Байтам был уже далеко. Одинокого путника окружала безмолвная пустынная равнина. Невысокие рыжие холмики наметенного ветром песка однообразно покрывали ее до самого горизонта. Среди них, этих холмиков, ему предстояло переждать до следующей ночи. А как только стемнеет, он пойдет на юг, в горы, туда, где граница.

* *

*

Подполковника Чехлая ждали срочные дела, и он явился на службу раньше обычного.

В штабе еще сохранялась устоявшаяся за ночь тишина.

Молчали телефоны, не стучали пишущие машинки, не хлопали двери кабинетов. Время это нравилось офицеру. По крайней мере можно сосредоточиться...

А дел хватает. Даже в штабном кабинете каждую минуту ощущаешь суровый ритм жизни границы.

Она ставит вопросы, требует оперативных и четких ответов, — то вдруг среди ночи вызовут по тревоге, то пришлют срочную бумагу, то настойчивым резким звонком попросят к телефону.

Вот и сейчас, едва Чехлай перешагнул порог кабинета, пронзительно зазвонил телефон. Почему так рано? По ошибке? Или что-нибудь стряслось?

— На участке Чуйкина прорвался нарушитель, — доложил офицер из штаба части. — Следы в наш тыл...

Застава капитана Чуйкина?.. Подполковник отлично помнит ее. По самой черте границы — перевалы, ущелья, округлые, словно вылепленные, вершины гор; на покатых склонах — глубокие, с мягкими краями вмятины. А в тылу, куда ушел нарушитель, голая, побуревшая от солнца равнина, вся в песчаных холмиках. В нескольких километрах от заставы — шоссе и

железная дорога, идущие параллельно границе.

Подполковник по существу был уже там. Даже в те минуты, когда он докладывал обстановку явившемуся вскоре начальнику штаба округа, он, казалось, уже чувствовал под собой горячую, не успевшую остыть за короткую ночь пограничную землю.

— Вы говорите, в тыл? — спросил полковник, выслушав доклад. — А кто их смотрел, эти следы?

— Заместитель начальника заставы...

— Лейтенант Девяткин?

— Да, он... Чуйкин в отпуске...

— Знаю.

Больше вопросов не было. Начальник штаба тут же стал звонить офицерам, которые должны были включиться в поиск, отдавать срочные распоряжения, вызывать нужных людей, собирать и направлять на участок прорыва те самые силы, которые должны были отрезать пути разрушителю.

Не прошло и десяти минут, как позвонил начальник погранотряда. Он коротко доложил о принятых мерах.

— Это правильно, — сказал начальник штаба подполковнику. — Мало ли что может случиться. Даже если следы и не в сторону

границы. Ведь самого нарушителя никто не видел! Когда имеешь дело с опытным нарушителем, не все принимай за чистую монету.

— Товарищ полковник, — сказал Чехлай, — разрешите мне выехать туда? На месте оно виднее...

— Согласен, — коротко и сразу же ответил полковник. — Поезжайте. Ознакомьтесь в деталях с решением командования отряда, проследите, как выполнены наши указания. Достаточно ли они? Все ли мы учли?

— Слушаюсь.

Да, на месте всегда виднее. Вот оно, это место: у подножья горного хребта, на последних метрах равнины протянулась пограничная контрольная полоса. След легких чарыков прекрасно виден. Солдаты Юрий Иванов и Рифхат Калимуллин обнаружили его, направляясь утром на наблюдательный пункт. Первым ехал Иванов на своей гнедой Записке. Он резко остановил коня, спрыгнул на землю. След говорил о том, что нарушитель направился в тыл, в сторону разъезда.

— Не успел бы только вскочить в поезд, — проговорил Иванов, озабоченно посмотрев вокруг.

В ту самую минуту он увидел двух всадников, приближавшихся на широкой рыси. Это

были лейтенант Девяткин и сопровождавший его солдат. Вероятно, лейтенант уже догадался, что здесь случилось.

— Прорыв, товарищ лейтенант! — еще издали услышал Девяткин тревожный голос Иванова. — Следы в тыл!

— Сколько? — соскакивая с коня, спросил офицер.

— Один.

Мельком взглянув на след, Девяткин поспешил доложить в часть и вызвать с заставы пограничников. Молодой офицер думал об одном: скорее, как можно скорее идти по следу! Разъезд недалеко, да и шоссе рядом. Не терять ни секунды!..

Пограничники не задержались. Они сделали все, чтобы сократить время, и, раскрасневшиеся, запыхавшиеся, предстали перед лейтенантом, который уже успел пройти по следу больше половины километра. Он бы и больше прошел, но отпечатки чарыков стали едва заметны.

— Сержант Веденеев, быстро Ингуса! — приказал лейтенант инструктору службы собакам.

Ингус пошел по следу вяло, нерешительно. Девяткина даже зло взяло. Собака как собака, а прыти никакой.

— Веденеев, что это сегодня с Интусом? — не вытерпел лейтенант. — Вы его кормили?

— Да, кормил, — тоном виноватого ответил сержант. Он сам раньше других заметил в поведении собаки что-то неладное.

Больше чем на полкилометра Интуса не хватило. В чем же дело?

Девяткин возвратил всю группу к контрольно-следовой полосе. И здесь, скрепя сердце, понял, что нарушитель перехитрил его. Нет, не в тылу надо искать лазутчика. Сейчас он уже где-то там, в горных ущельях! Теперь ему незачем идти спиною вперед, как это он сделал, преодолевая контрольную...

Дело принимало неожиданный и неприятный оборот.

На место прорыва вскоре прибыли подполковник Чехлай и полковник Пушкарев. Офицеры осмотрели следы. Примерно в сорока метрах от КСП, со стороны границы, они нашли отчетливые отпечатки, показывавшие действительное направление нарушителя.

Да, теперь все действия надо было строить по-иному. На счастье до рубежа оставалось еще далеко. Наряды, предусмотрительно выброшенные командованием на линию границы, уже успели перекрыть ущелья, оседлать перевалы. Однако в новой обстановке их было недостаточно. Необходимо усилить наряды на границе, бро-

сильнее туда больше сил. Поисковые группы, действовавшие в тылу, также должны быть переброшены к границе.

— Вот оно как все обернулось, Алексей Алексеевич, — говорил Пушкарев, недовольный лейтенантом Девяткиным. — Куда пошел, а? Да и других туда же нацелил... Поспешил с войсками. Урок! Для всех урок, для всех...

Полковник волновался, шагал взад-вперед, все думая о случившемся, о молодом, недавно начавшем свой путь офицере. Чего же не хватает ему? Знаний? О нет, учили его немало, офицер он грамотный. Опыта? Возможно, да. Опыт приходит не сразу, набивать его надо по крупицам, из года в год. Но только ли в этом дело? Быть может, основная причина в характере? Девяткину явно недостает настоящей пограничной косточки. Пожалуй, так... Можно метко стрелять, быстро бегать, но если ты не умеешь разгадать хитрость лазутчика, ты еще не зрелый пограничник. Тебя еще могут провести, как это только что случилось...

Мимо, по дороге, промчались машины с солдатами. Горячая пыль длинным белесым шлейфом повисла над равниной. Прямо через степь, приминая копытами колючку и бересклет, разгоняя ящериц, пугая даже кобр, проскакали конники. А вот несколько человек, вероятно по-

исксовая группа, идут пешком. Шаг у солдат широкий, быстрый, хотя идти жарко и пыльно.

Увидев солдат, полковник Пушкарев вышел на дорогу.

— Куда? С каким заданием? — спросил он у сержанта с загорелым и запыленным лицом.

— Приказано на поиск. У второго перевала, — ответил сержант, блеснув глазами.

— Фляги с водой?

— Так точно, товарищ полковник!

— Поесть-то найдется?

— Так точно, — опять стал отвечать сержант, — на сегодня взяли...

— Как следует? Или только заморить червячка?

— Для червячка многовато будет, — обрадовавшись возможности пошутить, сказал сержант и улыбнулся.

— Надеемся на вас, товарищи, — полковник теперь уже обращался ко всему строю. — Нарушитель опытный и хитрый, но всех нас не перехитрит.

А люди все прибывали. От них теперь всецело зависел исход поиска.

* *

*

— Урал, ищи!

Это было первое приказание, которое отдал старший сержант Егор Колесников своей «со-

бачке», как ласково называет он огромную овчарку.

Колесников — один из лучших следопытов части. Его Урал берет след большой давности. Поэтому, как только стало известно о прорыве на границе, Колесникова посадили в машину и срочно доставили сюда.

Урал понюхал один отпечаток чарыка, затем другой и натянул поводок.

— Хорошо, Урал, хорошо, — отпуская поводок, проговорил старший сержант. Он уже видел, что собака пойдет. Урал становился все более напористым и энергичным, он шумно и часто вдыхал в себя запахи еще сохранившегося следа.

Так дошли до первого перевала. Но едва начался подъем, след пропал. Урал прижимался к земле, храпел, безуспешно обнюхивая траву, камни, песок.

— Ищи, Урал, ищи!

Это была очередная хитрость Байтама. Остановившись в этом месте, он сделал сильный прыжок в сторону. Резко изменив затем направление, Байтам прошел не более сотни метров и опять отпрянул от своего следа. Он рассчитывал, что так ему снова удастся обмануть пограничников.

Трижды теряя и трижды находя запутанный след, Колесников поднялся на перевал.

Притомились и хозяин, и его собака. Колесников шершавой ладонью стирал с грязного, запыленного лица пот. Его крепкие широкие плечи облежала мокрая от пота гимнастерка. Урал сидел на задних лапах, широко раскрыв пасть и высунув язык, с кончика которого слетала белая пена. Пить!

Колесников достал флягу, отхлебнул пару глотков, напоил собаку. Урал жадно вылакал до последней капли.

Их ожидали новые трудности и неудачи.

Спуск с перевала к границе крутой и каменистый. Колесников знал это, но все же надеялся на Урала. Однако здесь даже Урал оказался беспомощным. На прогретых жарким солнцем и облизанных горным ветром камнях запахи долго не удерживались. След пропал.

Как же теперь быть? Где искать лазутчика?

Старший сержант огляделся. Еще совсем недавно, когда он бежал к перевалу, везде были люди. Теперь же он не видел ни одного солдата. Куда ушли они? Может быть, им уже известно, где враг? Последний вопрос задел самолюбие старшего сержанта. Почему же этого ты ждешь от них? Ведь ты же сам шел по следу? Ищи, да получше, не опускай раньше времени руки. За вторым перевалом черта грани-

цы. Спешу, еще не поздно! Витязу, вдоль второго перевала, почва мягкая, там ты снова отыщешь след, успеешь догнать врага.

И Егор Колесников побежал. Не знал он, что спрятавшийся в тесном ущелье Байтам сейчас видел его и уже не решался идти к границе. Там было много солдат.

Но и в ущелье Байтам долго не усидел. Только скрылся из виду один пограничник, появился другой. Он направлялся прямо к ущелью, будто знал, что там Байтам.

Этим пограничником был Николай Епифкин. Очень рано, примерно в 4 часа утра, вышел он с заставы в горы. Там и застала его тревога. Вместе с младшим сержантом Герасимовым Епифкин облазил не одно ущелье, прежде чем оказался здесь. Подозрительное поведение джейранов — они промчались по малому перевалу как ошалелые — натолкнуло Епифкина и Герасимова на мысль: не вспугнул ли их человек? И пограничники решили осмотреть местность. Герасимов взял правее, ближе к границе, а Епифкин пошел напрямик, спускаясь в ущелье. На него-то и поглядывал сейчас Байтам, не зная, как поступить.

Выбежать из укрытия было рискованно — солдат наверняка заметит. Правда, дело было уже к вечеру, вот-вот зайдет солнце и стемнеет. Но пока все же светло, и мушка хорошо видна.

Байтам поднял автомат, прижался плечом к камню. Пограничник остановился, не видя его, и, приложив к глазам бинокль, стал смотреть. Байтам прицелился. В тишине ущелья непривычно звонко щелкнул затвор. Осечка! Байтам нервно вцепился в рукоятку, пытаясь отвести ее назад, извлечь предательский патрон. Подсунули же, сволочи! Не могли снабдить как следует! И, может быть, от того, что злился и нервничал, Байтам не смог перезарядить автомат. После осечки новая неприятность—перекос патрона. Этого еще не хватало! Он выругался и швырнул автомат в кусты.

Бежать! Только бежать!

Когда Байтам выскочил из-за камня, над его головой взвизгнула пуля. «Успел выстрелить! А ведь только-что смотрел в бинокль»,—подумал Байтам и опять выругался.

Епифкин, держа оружие наготове, побежал. Быстро темнело. В ущелье каждый куст и камень издали казался человеком. На всякий случай Епифкин дал по ущелью автоматную очередь.

Под ногами зашуршал песок. Начался Сухой арык. Здесь, пожалуй, лучше не спешить. Епифкин пошел тихо, осторожно, как ходят барсы. Изредка он поглядывал на гребень скалы. На фоне серого неба там неожиданно показался человек. Епифкин крикнул:

— Стой!

Человек мгновенно прыгнул в щель. Солдат — к нему. Гулко полоснул из автомата. Прислушался. Где-то неподалеку раздался шорох. Чьи-то шаги. И — быстрый бег.

Ушел!

Елифкин кинулся следом. По пути подобрал шарф. Здорово улепетывает! Даже шарф мещает. Только куда он теперь уйдет? К границе не прорвался, не прорвется и в тыл. Пограничники успели охватить его плотным, надежным кольцом.

Пока Елифкин гонялся за нарушителем, старший сержант Колесников успел обойти весь участок заставы. За весь день он прошел с полсотни километров. И все же старший сержант даже сейчас, поздно вечером, не помышлял об отдыхе. Встретив у колонны автомашин офицера Суркова, он вместе с ним решил еще раз проверить след. Они двигались в полной темноте, низко наклоняясь над полосой, освещая ее фонариком. И вдруг оба услышали, как зазвенела проволока сигнализационной линии. Байтам, возвращаясь, не заметил ее и оборвал.

Урал встал на обратный след Байтама и потянул за собой старшего сержанта.

Пока нарушитель был далеко, собака обычно принюхивалась к его следу. Теперь же Урал

бежал, задрав морду, напружинив тело; до разрушителя оставалось несколько сот метров.

Колесников с трудом остановил Урала, погладил его по голове — хорошо, Урал, молодец! И дальше пошли осторожно, готовые в любую минуту вступить в схватку.

Байтам видел уже, что игра проиграна. Он выбросил маузер, патроны, разбросал все свои вещи.

— Не стреляй! — притворно слезливо попросил он, когда приблизились пограничники.

У СТАРОГО ДУБА

Осматривая мягкую, взрыхленную поверхность следовой полосы, сержант

Углов заметил небольшие частые углубления. Это случилось недалеко от старого дуплистого дуба, где пролежала кабанья тропа.

— Опять кабаны к нам пожаловали, — докладывал он потом лейтенанту Стахову, начальнику заставы. — Когда они оставят нас в покое!

Слушая сержанта, Стахов внимательно смотрел на его круглое со вздернутым носом раскрасневшееся лицо. Сержант всегда приходил с

границы возбужденным: с душой несет службу. Офицер был доволен, что наряд благополучно вернулся с границы; и в эту ночь на участке ничего не случилось. Правда, не совсем понятно, почему это вдруг разгулялись кабаны? С чего бы?

Углов поймал мелькнувшее в глазах начальника заставы сомнение.

— Точно говорю, товарищ лейтенант, — поспешил он заверить офицера. — Следы кабаньи!

Углов не любил, когда его слова брались под сомнение. Он знал, что начальник заставы считает его пограничником опытным и серьезным. Сержант служил здесь больше самого Стахова, прибывшего на границу лишь год назад, после военного училища.

Стараясь не обидеть сержанта, Стахов мягко спросил:

— Как же все-таки выглядят следы? Расскажите более подробно...

Углов шумно глотнул воздух, словно отпил из стакана, и стал докладывать. Он особенно напирал на то, что кабаны прошли через полосу несколько раз туда и обратно, чего не сделал бы нарушитель.

Лейтенант слушал его, не перебивая. «Пожалуй, он прав, — подумал Стахов. — Ему действительно нельзя не поверить».

Отпустив Углова, лейтенант подошел к открытому окну. После бессонной ночи и постоянного ожидания тревожных сообщений с границы лейтенант чувствовал себя усталым. Он еще не обладал тем завидным качеством владеть собой, каким отличаются опытные начальники застав. Как попавший впервые на фронт молодой, еще не обстрелянный офицер, он и суетился больше других, и горячился там, где надо быть хладнокровным.

После училища Стахов полгода работал заместителем начальника одной из застав этой же части. Там он и услышал о сержанте Василии Углове, задержавшем нарушителя в холодную зимнюю ночь.

Границу перешли трое вооруженных лазутчиков. Когда за ними погнались пограничники, все трое кинулись в разные стороны. По следу одного из них пошел Углов, в то время ефрейтор. Только утром ему удалось сблизиться с врагом. Завязалась перестрелка. Нарушитель расстрелял все патроны и, со злостью бросив в снег ненужный больше наган, побежал в степь. Меткая пуля могла бы сразу остановить врага, но Углов решил взять его живым. Сбросив шапку, полушубок и сапоги, Василий по сугробам бежал за ним, пока не догнал.

Стахов узнал эти подробности из многотиражки. А потом на заставу приехал и сам Уг-

лов, чтобы рассказать солдатам о задержании. Тогда и познакомился с ним Стахов.

Приняв заставу, он, естественно, видел в Углове свою опору, часто советовался с ним, доверял ему больше, чем кому-либо из остальных сержантов.

...Стахов насторожился, услышав вдруг писк полевого телефона. В этот час обычно звонил майор Кравцов, комендант участка.

— Ну, как дела, товарищ Стахов? — раздался в трубке жестковатый голос Кравцова. — Полосу проверил?

— Так точно, проверил, — доложил Стахов. — Только что вернулся сержант Углов. Опять замечены кабаньи следы.

— Где именно? — нетерпеливо спросил комендант.

— Все там же, у старого дуба.

Майор с минуту помолчал, потом, шумно вздохнув, спросил:

— А вы сами осмотрели их, товарищ лейтенант? Действительно ли кабаньи?

Стахов почувствовал, как кровь ударила в виски.

— Я лично? Нет, не выезжал, товарищ майор. Там был Углов.

— За участок отвечаете вы, лейтенант Стахов!

Кравцов опять замолчал. В трубке слышалось только шумное сопение. Потом донеслись обрывки каких-то неразборчивых фраз. — комендант, видимо, с кем-то переговаривался в кабинете.

— Слушай, Стахов, — наконец отозвался майор. — Сию же минуту садись в седло. Лично проверь!

— Слушаюсь! — Стахов торопливо положил трубку, пожал плечами, потрогал кобуру.

Углов чистил автомат, когда по коридору, гремя каблуками кирзовых сапог, пробежал дежурный. С шумом захлопнулась дверь канцелярии.

— Что там случилось? — проговорил Василий и взглянул на рядового Ныrkова, с которым ходил в наряд.

Ныrkов прислушался. Из канцелярии доносился необычно громкий голос лейтенанта.

— Приказывает подать коня, — сообщил Ныrkов шепотом. — И еще ведет зачем-то поднять инструктора.

Торопливо дочистив оружие, Углов и Ныrkов выбежали на крыльцо. Коновод уже вел под уздцы оседланных коней. Толкнув плечом

дверь, вышел Стахов. Он спустился с крыльца, даже не взглянув на сержанта. Сказав что-то инструктору, державшему на поводке овчарку, вскочил в седло. Через минуту всадники были уже за воротами.

— Куда это они, а? — спросил Углов дежурного, старшего сержанта Мищенко.

— Известно куда, к дуплистому дубу... Следы проверять...

— Проверять? — удивился Углов. — Зачем? Я же лично осмотрел.

— Лично, лично! Проверить никогда не лишне. — Мищенко внимательно посмотрел на Углова. — Иди, отдыхай, ночь-то всю не спал. Да и Нырков тоже...

Вернувшись в казарму, Нырков сразу же лег в постель, а Углов с полчаса сидел у тумбочки, задумавшись. Задето было самое больное — его самолюбие.

Как это так, не поверить ему, Василию Углову? Никогда еще этого не было! Что же, собственно, случилось, что сегодня ему не поверили? Почему вздумали проверять?

Углов неспеша разделся, лег. Долго ворочался с боку на бок, но сон не шел. Через койку от него лежал Нырков. Натянув на себя простыню, он незаметно следил за сержантом. Нырков уважал Углова, ловил каждое его слово и ничего плохого не видел в своем пол-

нейшем, безоговорочном послушании. Правда, сержанту порой не нравилось, что Нырков никогда не предложит что-либо от себя, не проявит инициативы. Вот и сегодня так же. Сказал Углов, что следы кабаньи, и Нырков тут же согласился. Даже не взглянул на следовую полосу: «Сержант лучше меня разбирается!» Конечно, это льстило Углову. Возможно, именно поэтому он ни разу и не пытался спросить Ныркова: «А как вы полагаете, товарищ Нырков? Каково ваше мнение?»

Нырков знал характер сержанта, и сейчас, наблюдая за его странным поведением, начинал догадываться, в чем тут дело. Пожалуй, было бы лучше, если бы Углову не сказали, что лейтенант уехал к дуплистому дубу. Давно слышалось бы тихое похрапывание сержанта. Ведь он порядком устал: за ночь отшагали немного-немало 20 километров! Да и сам Нырков уснул бы, лишь прикоснувшись лицом к подушке.

— Товарищ сержант, а товарищ сержант? — тихо позвал Нырков. — Почему не спите?

Но Углов потянул на голову простыню и притих. Так он пролежал около часа. Затем встал, тихонько оделся и на цыпочках, чтобы не разбудить Ныркова, вышел во двор. Он решил дожидаться возвращения лейтенанта, чтобы вы- сказать ему свою обиду.

Стахов торопил коня. Ему не терпелось взглянуть на следы, проверить, прав ли сержант. В душе лейтенант и сейчас был убежден, что опытный пограничник Углов не мог ошибиться. Но комендант своими вопросами заронил в его душу сомнение. Ну, а если на этот раз сержант действительно плохо осмотрел следы? Это было бы ужасно потому, что упущено самое драгоценное — время! Попробуй теперь погоняйся за нарушителем! Ищи ветра в поле! Лейтенант помнит, как на совещании рассказывали об одном случае. Только из-за того, что промедлили 10 минут, целых трое суток гонялись за нарушителем!

Время! На границе оно решает все. Быстро обнаружил врага — быстро и задержал! Заезжался, опоздал — полазишь по лесам и болотам, да не один, а вместе с тобой будут подняты по тревоге десятки и сотни людей.

Но это еще не все. Сейчас он ясно видел, какую ошибку совершил он сам, поверив сержанту с первого слова. Ведь до сих пор кабаны ходили только в каком-нибудь одном направлении, и если останавливались на полосе, то разрывали ее так, что потом надо было заново боронить. Опытный пограничник обязан был

выяснить, почему сегодня они изменили своей привычке. Если же Углов не сделал этого, то начальник заставы должен был поправить его, не дожидаясь указаний коменданта.

Кони тем временем свернули с проселочной дороги на тропу, ведущую к широкой лесной просеке. Поднявшееся над лесом солнце все сильнее грело и без того разгоряченные лица офицера и двух пограничников — коновода и инструктора службы собак. В лесу беззаботно куковали кукушки, где-то на просеке трещала сорока.

У дуплистого дуба Стахов соскочил с коня. Присев на корточки, он вместе с инструктором Зайцевым долго рассматривал слегка осыпавшиеся углубления в рыхлой земле: то низко наклонялся над полосой, то осматривался вокруг. Его лицо мрачнело. Наконец он решительно выпрямился и зашагал в тыл от линии границы. На голом суглинке хорошо виднелась цепочка неглубоких раздвоенных ямочек. Других следов не было. Значит, Углов осмотрел только полосу, поленился пройти в глубь леса. Стахов чувствовал, как холодеет у него в груди, как все тревожнее стучит сердце. Вот тебе и твой лучший сержант!

Стахов не отрывал глаз от цепочки раздвоенных ямочек, все более убеждаясь в том, что граница действительно нарушена.

Лейтенант остановился, нервно подозвал инструктора:

— Ставьте собаку на след!

Но овчарка вела себя спокойно. Лишь однажды, принявшись к траве, она тихонько взвизгнула. Глаза у Стахова холодно блеснули.

— Не возьмет! — он махнул рукой и зашагал дальше.

Цепочка видимых следов неожиданно обрывалась у невысоких кустов. Стахов бросился к ним. Обдирая руки, он с ожесточением раздвигал колючие ветки. На пальцах выступила кровь, но он не замечал ее.

В терновнике лежали ходули с подбитыми снизу деревянными копытцами. Лейтенант вытащил их из кустов и быстро осмотрел.

— Вот, полюбуйте, как нашего Углова обвели! — проговорил он, передавая ходули Зайцеву. — Хорош кабанчик!

Зайцев вернулся к тому месту, где виднелись следы, примерил — да, точно!

— Хитро, каналья, придумал... С первого взгляда и не отличишь.

— Вот, вот, — подхватил Стахов, — именно с первого взгляда. А мы не можем довольствоваться первым взглядом. Семь раз отмерь! Поняли?

— Понял, товарищ лейтенант, — тихо отве-

тил Зайцев, будто он был во всем виноват. Помолчав, добавил: — Хитро, конечно, да не ново... Этот прием даже новичку известен...

— В том-то и дело! — воскликнул Стахов. — Преступная безответственность! Главное — времени сколько потеряно! — И, бросив короткий взгляд на собаку, сидевшую у ног Зайцева, спросил с надеждой: — Не возьмет?

— Думаю, уже не возьмет... — Зайцеву не хотелось говорить этих слов. — Если бы часа на два раньше...

— Попробуйте! — строго сказал Стахов.

Наблюдая, как Зайцев безуспешно пытался поставить собаку на след, начальник заставы никак не мог вытащить из портсигара папироску: мундштук казался слишком тонким для его непослушных пальцев. Все же ему удалось вытащить одну. Стал прикуривать, но головки спичек крошились или вовсе отламывались. Наконец, спичка зажглась. Как раз в это мгновение собака зарычала, и Стахов, забыв о горящей спичке, стал настороженно следить за овчаркой. Ему прижгло палец, и он швырнул спичку в песок.

Но собака опять успокоилась и, равнодушная ко всему, лениво водила носом, виновато поглядывая на хозяина.

— Не возьмет, товарищ лейтенант! — доложил Зайцев, вставая.

— Вижу! — ответил Стахов.

Он сжал пальцы так, что спичечный коробок затрещал.

* *

*

Все происходящее на заставе Углову казалось выдумкой дежурного: какой там «прорыв в наш тыл»! Но когда дежурный поднял заставу по тревоге и, выстроив солдат во дворе, стал разбивать их на группы, Углов бросился к пирамиде. Схватив автомат, он встал в строй рядом с Нырковым.

Старший сержант Мищенко косо взглянул на него.

— Углов и Нырков, — сухо объявил он, — выйдите из строя.

Не совсем понимая, в чем тут, собственно, дело, сержант и солдат неохотно вышли. Углов остановился было возле Мищенко — хотелось расспросить его, но тот словно бы и не замечал.

Тогда, махнув рукой, Углов направился к зданию. Он уселся на крыльце, ожидая, когда освободится Мищенко. «Что они тут задумали? — беспокоился Василий, начиная догадываться, что лейтенант, вероятно, сказал уже что-то о нем и Ныркове. — Неужто и впрямь придется сидеть на заставе?»

Дежурный вскоре и сам вспомнил о нем. Сняв с рукава повязку, Мищенко подбежал к крыльцу.

— Я тоже ухожу, — сказал он торопливо. — Одной нашей заставы еще и мало будет. Принимай дежурство, — и, заметив в глазах Углова удивление и растерянность, добавил: — Лейтенант приказал.

— Это ты сам выдумал! — не сдержался Углов. — Лейтенант не мог приказать! Он послал бы меня на поиск.

— Нет, сегодня не посылает, — твердо сказал Мищенко. — Принимай дежурство.

Двор заставы быстро опустел.

«Как же все это случилось?» — мучительно раздумывал Углов, сидя в канцелярии за столом начальника заставы. На стенке тикали ходики, и каждый взмах маятника раздражал его.

Сержант старался припомнить со всеми подробностями, как шел он вдоль служебной полосы, всматриваясь в каждую складку на ней. Сзади на расстоянии пяти шагов двигался Нырков. Он тоже, как замечал Углов, был внимателен. Если бы сержант что-нибудь и пропустил, Нырков непременно заметил бы. Фонарь они потушили на полпути — рассвело сегодня рано.

Не доходя 30 шагов до старого дуба, Углов первый увидел потревоженную на полосе землю. Он кинулся туда, опасаясь, не прошел ли нарушитель. Но, взглянув на следы, выругался: опять кабаны! Как они надоели здесь! Лазишь на четвереньках, проверяешь... Вот и вчера то же самое — набрел на следы, облазил все кустарники вблизи и вдали полосы, а кончилось тем, что испугнул кабана, только и всего! И сегодня тем же кончится! Правда, майор Кравцов, да и лейтенант Стахов требуют каждый раз проверять следы. Но это пусть новички ползают на коленях и ощупывают любую подозрительную ямку, у них еще глаз не набит! А опытному пограничнику сразу все видно...

«Вот где я промахнулся!» — Углов так сильно ударил кулаком по столу, что томившийся в казарме Нырков услышал и заглянул в канцелярию.

— Заходи, Нырков, заходи, — пригласил он. — На пост еще не скоро... Скучно тебе одному в казарме? А мне здесь скучно и тошно!

— Очень даже неприятно, товарищ сержант, — голос Ныркова был еле слышен. — Вроде как наказали нас...

— Не вроде, а в самом деле! — Углов вышел из-за стола, зашагал по комнате. — И это только цветики, а ягодки еще впереди. Вот вернется лейтенант, он даст нам перцу!

— Что же нам будет? — забеспокоился Нырков.

— Что положено, то и будет... А положено нам с тобой обоим. — Углов покосился на Ныркова. — Обоим! Понимаешь?

— Мне за что же, товарищ сержант? Ведь это вы сказали, что следы кабаньи.

— Говорил, не отрицаю. Спросят — повторю слово в слово. Но сначала и тебе кое-что скажу. Может, пригодится.

Нырков смотрел на сержанта, недоумевая. Никогда еще он не видел его таким.

— Любите вы, Нырков, за широкой спиной прятаться. Конечно, я, как старший наряда, несу полную ответственность. Но вы тоже за охрану границы отвечаете.

— Отвечаю, конечно, — вставил Нырков.

— Да разве так отвечают? — Углов остановился у стола. — Вот, скажем, сегодня ночью... Ведь послали-то вас со мной зачем? Сопровождать по участку? Для этого? Ну, говорите!

Нырков молчал.

— Нет, не для этого... А на самом деле вы были именно сопровождающим, не больше, или наблюдателем. Смотрели, что делал старший, да и только. Ну, что изменилось бы, если бы я пошел один?

Нырков завокнулся.

— Для этого и посылают нас на границу, чтобы каждый охранял ее. Понимаете, каждый! И ясное дело, отвечал за надежность охраны. А вы не чувствовали ответственности, вы охотно согласились с тем, что сказал я, и все! «Вам виднее!» — вот ваш ответ. А надо было сказать: «Нет, товарищ сержант, давай еще посмотрим!» Не бойтесь, я не обиделся бы.

«А, может, и обиделся?» — вдруг поймал себя на мысли Углов...

Прошел час, другой... На заставе по-прежнему было тихо, безлюдно. С границы иногда звонили старшие нарядов: всех волновало одно — задержан ли нарушитель? Сержанту казалось, что его нарочно так часто спрашивают об одном и том же. Помолчав, проглотив подкатившийся к горлу комок, Углов отвечал, что на заставу никаких донесений еще не поступало.

* * *

Лазутчика задержали только два дня спустя.

Майор Кравцов и лейтенант Стахов в эти дни не ели и не спали. После того как задержанного отправили в штаб, Кравцов пригласил к себе Стахова.

— Виноват я, товарищ майор! — сказал Стахов. — Очень виноват.

Кравцов сделал удивленное лицо.

— Вы? Это почему же? Ошибку допустил сержант Углов!

— Нет, товарищ майор. Вы сами знаете, что ошибку допустил я, его начальник. Переверил. Много хвалил. Углов стал самонадеянным, зазнался.

— Правильно, Стахов, — комендант жестом предложил ему сесть. — Ошибка твоя, как видишь, с последствиями. Хорошо еще, что хоть через два дня удалось задержать. Но ведь могло быть и хуже...

Стахов слушал, не опуская глаз.

— Углова мы, конечно, накажем, и строго. Но это не главное. Надо воспитывать Углова... Есть причины, и очень серьезные, которые дурно влияли на него. Их надо устранить...

ИВАН КИНАЛЬ, ДРУЖИННИК

У этого человека за плечами большая, сложная жизнь. И хотя Ивану Андреевичу всего лишь тридцать пять лет, испытал он многое. Были и горести, были и радости, все было.

Он рослый, плотный, как говорит, крепко

сколоченный. Глядишь на него и не веришь, что в детстве Иван с крохи на кроху перебивался. Лицо у Ивана Андреевича полное, округлое, под чуть приметными белесыми бровями — пронизательные, все понимающие глаза. Они то грустные, задумчивые, то по-озорному веселые, то сосредоточенно серьезные, а иногда даже злые. Смотря что вспоминает, о чем рассказывает Киналь.

Нас познакомил с ним секретарь колхозной

партийной организации Яремко, как с хорошим дружинником.

В дружину Иван Андреевич вступил добровольно. Принимали его на собрании, при всем народе. И хотя все знали Киналя с самого детства, он волновался. Не потому, что беспокоился, поднимут ли за него руки. Тут убеждение было твердое. Просто, заново вспомнилась жизнь. Пока председатель читал его заявление, пока секретарь давал ему, коммунисту Киналю, характеристику, перед глазами прошли и детство, и юность. На этой же самой земле, в этих селах и хуторах властвовал до осени тридцать девять того польский помещик. Иван еще и ходить не умел, когда его отца нужда погнала за границу. Оставил семью без кола и двора — все кулаку продал.

Забрала мать ребятишек — мал-мала меньше — и повела к брату. Тот отделил им угол в хате, а кормить нечем. Надо кому-то идти к кулаку. И пошла мать. Видели ее дома только по ночам. Подрос старший брат Володя, пошел и он. Пас скот у кулака. Потом подался в наймы Степан — восемь лет исполнилось ему. Домой братья ничего не приносили: за харч батрачили. Вскоре и для Ивана черед подоспела. За все лето на одни полотняные штаны заработал. Кулацкие сынки посмеивались: «Эй, ты, щеголь Ивашка, поработай еще годик — будет

и рубашка!» Обиделся, в ученики к сапожнику ушел. А тот тоже не церемонился.

Ремеслу учился по вечерам, а днем корову и телят пас да за гусями приглядывал.

При тусклом мигающем свете каганца заготавливал мастеру деревянные гвозди, дратву, порол старые стоптанные гетры и только через год сам попробовал приколотить первую подметку. Ремесло освоил, обувал панских сынков в шевровые сапожки, а сам был босой.

Вот так и жил до тридцать девятого. В сентябре по селу прошла Красная Армия. Не понял сначала Иван: сон это или явь? Ни кулаков, ни помещиков. В селе школа открылась, позвали и Ивана. Учись, говорят. Брата Степана в железнодорожное училище послали. Матери хату дали. Все равно, что в той сказке, которую она, обливаясь слезами, так часто рассказывала своим сыновьям.

Сказка быстро сказывается, да и явь оказалась недолгой. И двух урожаев со своей землей люди не сняли, как налетели фашисты. Чуть отодвинулся от села фронт, принялись они свои порядки наводить. Иван убежал в лес, чтобы в Германию не угнали.

Вернулось старое, трижды проклятое людьми, время. Немцы схватили Степана, угнали в Германию, потом за Иваном охотились, пока не поймали...

Из фашистского рабства братья вырвались только в сорок пятом.

Новую жизнь строили, не щадя себя. В первые годы банды украинских националистов запугивали крестьян, убивали сельских активистов. Надо было не только строить, но и защищать новую жизнь. Степан пошел в милицию, участковым уполномоченным, Иван — в МТС, доверили ему новенький трактор. От радости, казалось, пело само сердце, когда он вел по колхозному полю стального коня.

Однажды, прослышав о том, что в селе Грушатычи появились бандиты, Степан быстро собрался, зарядил пистолет и ускакал туда. А утром следующего дня его привезли домой. Две бандитские пули навывлет пробили голову.

Примчался в поле к Ивану верховой, крикнул, заглушив шум трактора:

— Там, в Грушатычах, Степана твоего... Холуй фашистские...

Выхватил Иван у парня поводья, вскочил в седло и, не помня себя, погнал лошадь. В сельсовете увидел только лужу крови.

Немного погодя к Ивану тоже явились. Собираясь чуть свет на пахоту, он вытащил из колодца ведро воды, чтобы залить в радиатор. Подошел к трактору, глядит — на заводной ручке записка: «Работать только с 9 утра до 5 вечера. За неподчинение — смерть».

Пора была горячая, и никто из трактористов не считался со временем. Дела шли хорошо. Но это не по душе было врагам колхозного строя.

Иван, не раздумывая, затоптал в грязь это предупреждение и повел трактор в поле.

На следующий день история повторилась. И опять Киналь затоптал в грязь бумажку. Но поздно вечером, когда он приехал на заправку в один из колхозных дворов, где стояли бочки с горючим, из-за построек в темноте бросились к нему какие-то фигуры. Догадавшись, в чем дело, он прыгнул в темень... Сразу несколько рук вцепилось в него. «Не уйдешь, гадюка, —дохнул кто-то в лицо самогонным перегаром. — Мы тебя на огне сжарим... Вместе с твоим железным чертом».

Ивана держали крепко. Дважды он рванул-ся и понял: не уйти.

— Давай, разводи костер! — крикнул кто-то из темноты. — Погляжу на него при свете, как изворачиваться будет.

— Пан керивник, тут его бочки с керосином. Дуже яркий костер выйде.

— Кати бочки к трактору!..

Двое побежали к бочкам. Иван скорее почувствовал, чем увидел это.

— Отставить! — закричал все тот же голос из темноты. — Пусть сам катит. Он же человек работающий. На работе так и горит...

Потащили Киналя к бочкам, сильно ударили в спину кованым каблуком.

— Ну-ка, берись...

— А ты, пьяная собака, руки мени отпустишь? — огрызнулся Киналь.

Руки ему освободили. Наклонившись, он молча покатила тяжелую, еще непечатую бочку. Следом неотступно за ним топали все те же люди, и один из них цепко держал его за ворот рубахи, больно толкая в шею острыми суставами сжатых в кулак пальцев.

И вдруг сильным, отчаянным прыжком Иван перемахнул через бочку. Ворот и добрая часть его рубашки остались в чьей-то руке. Гулкий топот ног долго еще раздавался позади Ивана Андреевича...

Через несколько дней бандеровцев выследили и поймали. А Киналь продолжал водить трактор, правда, теперь уже другой — тот, прежний, они сожгли.

Вот так босоногий пастушонок, принявший когда-то новую жизнь за дивную сказку, стал зрелым человеком, коммунистом. Со временем ему в колхозе доверили крупный производственный участок. Не случайно оказался Иван Киналь среди тех, кто первым пошел в народную дружину, чтобы охранять общественный порядок и государственную границу.

..Возвращался как-то с собрания Иван Андреевич затемно. В лицо бил колючий морозный ветер. В снежном вихре не сразу можно было разглядеть попадавшихся навстречу односельчан. Но Киналь узнавал их: у каждого была своя, известная ему походка. Почти сразу узнал он и шофера из дорожного отдела Мирослава Гуменьчика. Вот только что это за человек рядом с ним? Таких вроде бы и в районе не встречал. Одет по-городскому, фуражку напялил, форсит.

— Слушай, Киналь, — позвал Мирослав, — ты не богат деньгами? Парню нужны. Говорит, проголодался, а идти далеко. У меня же, понимаешь, ни копейки...

Иван Андреевич остановился.

— Чого же ты таким бидным стал, Мирослав? Человек ты, кажется, не скупой...

— Да тут дело выгодное. Он ведь не взаймы просит. Часы обещает, да еще какие-то заграничные. Понял?

— Часы? — переспросил Киналь и более пристально посмотрел на парня. — В таком рази гроши найдутся. Тильки чого же мы тут на улице, пидемо в столовую... И закусим, и часы побачим.

— Согласен. У меня самого аж живот подвело...

Они зашли в помещение, облюбовали стол. Киналь заказал в буфете три кружки пива и для каждого по порции котлет. Вернулся он, однако, с кислым выражением на лице. В ненастную погоду, да еще по такому случаю, неплохо бы горилочки пропустить, хотя бы по сто на брата. Но крепкие напитки в столовой не водятся.

— Не я буду, як не достану, — решительно заявил он и надел шапку. — Ты, Мирослав, займи тут гостя, я скоро...

Он моргнул Гуменьчику чуть приметной беслесой бровью и, отодвинув стул, направился к выходу.

Когда вернулся в столовую, незнакомец, ничего не подозревая, мирно беседовал с Гуменьчиком.

— Достал? — спросил Мирослав, хитровато прищулив один глаз.

— Зараз принесуть, — ответил Киналь и присел к столу.

Не прошло десяти минут, как в столовую явились пограничники. Парень вскочил, опрокинув стул, и хотел было броситься к окну, но там уже стоял солдат.

Нарушитель заскрежетал зубами.

— Знал бы, еще на дороге прикончил бы. От волков бежал — на медведей напал.

Сколько таких встречал на своей жизненной дороге Иван Андреевич, и каждый непременно хотел «прикончить» его. Но, как говорится, ор-ла муха не словит.

Ты совсем молодая

Помнишь, в дверь осторожно
стучался посыльный,
Он бежал — даже ветру угнаться
невмочь.
За селом, у дороги, щербатой и
пыльной,
Мы с тобой расставались
в тревожную ночь.
Так велел мне мой долг...
А по речке, над лугом.
Не спеша пробирался молочный
рассвет.
Привыкай же, любимая,
к частым разлукам.
Если друг твой в армейскую
форму одет.
Если ночью спешу по сигналу
тревоги,
Убегаю туда, где не видно ни зги,
Ты не сетуешь, молча стоишь на пороге,
Слышишь, как за окном замирают шаги.
Твои руки и в праздник покоя
не знают,
Все хлопчешь ты, платьем
нарядным шурша.
Ах, какая ты нынче совсем
молодая
И чиста, как любовь, и, как жизнь, хороша!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В осеннюю ночь	3
В ловушке	19
У старого дуба	35
Иван Киналь, дружинник	52
Стихотворение Н. Сальникова «Ты совсем мо- лодая»	61

Автор
Александр Севастьянович Сердюк
Редактор А. Г. Гусакова
Техн. редактор Л. Е. Атрощенко
Корректор Е. А. Соколов

Оформление художника Ю. Г. Макарова

Сдано в набор 7/IV 1961 г. Подп. к печ. 14/VIII 1961 г.
Изд. № 103. Формат бум. 60×92¹/₃₂. Бум. л. 1,0.
Печ. л. 2,0. Уч.-изд. л. 1,82.
А02962 Цена 5 коп. Тираж 300 000 экз. Заказ 1315.

Типография изд-ва «Знание». Москва, Центр,
Новая пл., д. 3/4.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЫ

Просим Вас свой отзыв о книжке и пожелания присылать в издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Наш адрес: Москва, Новая пл., д. 3/4.
